

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.124 : 37(4)''18''

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ АНТИЧНОЙ ЦИТАТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ¹

Ю. Н. Варзонин

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье рассматриваются принципы когнитивно-дискурсивного анализа античной (латинской) цитаты в художественном тексте. Такой анализ включает социокультурные предпосылки, коммуникативные параметры, когнитивные структуры и языковые воплощения.

Ключевые слова: *латинская цитата, художественный текст, когнитивно-дискурсивный анализ, К. С. Льюис*

Когнитивно-дискурсивный подход (часто говорится о когнитивно-дискурсивной парадигме в лингвистике) основывается на самых современных достижениях не только гуманитарных наук, его интенсивное становление относится преимущественно ко второй половине XX века. В основе подхода лежат базовые функции языка – когнитивная и коммуникативная, притом что как первая, так и вторая, несмотря на необходимое искусственное разделение, мыслятся в своём естественном единстве. Исторически получилось так, что коммуникативная функция раньше стала объектом пристального изучения в современной лингвистике, и в некоторой степени именно ей всё ещё принадлежит доминирующее значение. Однако новейший этап в лингвистике и многочисленных смежных отраслях стремительно накапливает знание, позволяющее надеяться на установление определённого баланса между когнитивной и дискурсивной составляющими и на окончательное становление контуров когнитивно-дискурсивного анализа. Основные тенденции такого анализа достаточно ясно просматриваются и сегодня. Сошлёмся на типичное определение: «...модель (описания дискурса – Ю. В.) включает характеристику социокультурных (условия бытования), коммуникативных (коммуникативная ситуация и её жанровое воплощение), когнитивных (концептуальные структуры) и языковых особенностей» [8, с. 51]. В данной статье предпринимается попытка применить схему анализа к столь специфическому явлению, как использование античных цитат в художественном тексте.

Следуя предложенной схеме движения, мы обратимся к широкому контексту бытования рефлексов античной культуры в современности. Подробно эта проблема рассмотрена ранее в [2, с. 3]. В целом роль античного элемента в европейском образовании характеризуется исключительной

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Древние языки в русской литературе XIX века», 12-04-00036.

важностью по значению и экстенсивностью по объёму в XIX веке. К концу века постепенно удельный вес античной словесности в образовательных программах снижается, а в XX веке этот процесс происходит почти повсеместно галопирующим темпом. К началу XXI века совсем не обязательным становится хотя бы поверхностное знакомство студента-филолога с латинским и древнегреческим языком. Античная словесность всё более вытесняется на периферию гуманитаристики даже не столько в силу объективного снижения её значимости, сколько в силу объективно растущей интеллектуальной сложности взаимодействия с ней для современного человека. Постепенно формируется представление о том, что время от времени попадающиеся на глаза человеку античные вкрапления в виде цитат и ссылок – не более, чем общепринятый в литературе приём использовать при необходимости иноязычные фрагменты различной протяжённости. На фоне этого не противоречащего действительности факта под корень уничтожается непреходящее культурное значение античной словесности для сегодняшней Европы, да и не только для неё. Здесь почти полностью перекрывается доступ к семиотическому, знаковому пространству, в котором античная культура не просто продолжает бытовать, но в котором её бытованию ничто и не может угрожать. А вот степень проницаемости античного наследия для современного европейца резко снижается, что не лучшим образом отражается на его культурной самоидентификации. Бесконечные богатства мировой художественной литературы, возможно, в самой высокой мере подвержены угрозе *порчи* читателем и потому, что чтение – самый сложный (но и продуктивный) вид обработки информации, и потому, что проникновение на достаточную глубину в контекст литературного произведения становится объективно сверхтрудным. Ожидаемым эффектом подобного чтения становится ощущение чужеродности текста, за которым следует ощущение чужеродности контекста, а затем и самое печальное – исключение всего этого чужеродного из персонального культурного пространства. Итог закономерный, хотя и разрушительный, потому что непризнание собственных корней не просто несправедливо, оно ещё и заставляет человека понимать своё отношение к культуре исходя из ошибочных посылок. А. В. Успенская, исследуя мотивы, образы и идеи в отношениях между античностью и русской литературой, замечает: «История взаимодействия двух литератур, возникших в разные исторические эпохи, на разных географических широтах, способна пролить свет на важные особенности и общие закономерности существования русской литературы в контексте мирового литературного процесса» [7, с. 3]. Автор исследует связи с античностью в творчестве Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Н. Майкова, Л. А. Мея, Н. Ф. Щербины, Я. П. Полонского, А. К. Толстого, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, И. А. Бродского. Увы, в настоящее время приходится говорить уже не о трудностях усмотрения античных мотивов, образов и идей в русской классической литературе, а о трудностях восприятия самой русской классической литературы с её мотивами, образами и идеями. Здесь путь, пройденный античной словесностью в образовании XX века, похоже, повторяется.

Отчуждение античной словесности на периферию актуального знания открывает несколько неожиданные возможности для художественного

творчества (если это, конечно, может быть так названо). 7-го октября Пятый канал ТВ (Санкт-Петербург) предложил поклонникам детективного сериала «След» (в семиотическом смысле тоже художественный текст) историю «о пользе знания латыни» (как оказалось, наши лучшие мастера расследований, разумеется, латынью владеют). Главную героиню (она возглавляет ФЭС) похищает группа бандитов, главарь которой имеет огнестрельное ранение. Героиня должна в кустарных условиях сделать операцию. За необходимыми медикаментами в город отправляется посыльный. Фармацевт обнаруживает в длинном перечне медикаментов три несуществующих препарата: тифин, нонпаксин, кверкулин. Фармацевт сообщает названия сыщикам, а сыщики расшифровывают эту тайнопись: *turho* – рогоз, а фамилия главной героини – Рогозина; *pop* – не, *рах* – мир, а фамилия главаря – Немиров; *quercus* – дуб, следовательно, искать их надо в деревне Дубки. Всё остальное происходит стремительно. Любопытно, что столь незначительная в лингвистическом отношении деталь (три корневых морфемы и некоторая осведомлённость в морфологической структуре фармацевтических терминов) вырастает в интригу, удерживающую целое повествование. Однако приём этот известен, и он относится к языку художественного творчества. А вот придание этой детали заведомо преувеличенной интеллектуальной ценности однозначно свидетельствует об изгнании из нашей культуры необходимого минимума элементов античной словесности. Некое (к сожалению, не определяемое более конкретно) знакомство с такими элементами становится своего рода «тайным» знанием, отличающим его носителя от других людей, наделяющим его каким-то особым, почти паранормальным, свойством. Заканчивая разговор об условиях бытования рефлексов античной культуры в современном культурном пространстве, следует отметить, что эти условия характеризуются, с одной стороны, непреходящей генетической важностью античности и, с другой стороны, стремительным ослаблением рецептивной способности к этому генетическому родству со стороны современного человека.

Обращаясь к коммуникативным характеристикам рассматриваемого явления, имеем в виду, что «дискурсивно значимыми параметрами являются цель дискурса, коммуникативные стратегии, участники дискурса, ситуация общения, жанры» [4, с. 52]. В теоретическом отношении данные категории являются всесторонне разработанными, а непосредственное использование их в анализе предполагает, прежде всего, обращение к конкретному материалу. Весь круг названных вопросов связан с человеком-пользователем языка (в семиотической триаде Ч. Морриса это область прагматики, то есть отношения знака и человека): «В обыденной речи – отношение говорящего к тому, что и как он говорит: истинность, объективность, предположительность речи, её искренность или неискренность, её приспособленность к социальной среде и к социальному положению слушающего и т.д.; интерпретация речи слушателем – как истинной, объективной, искренней или, напротив, ложной, сомнительной, вводящей в заблуждение; в художественной речи – отношение писателя к действительности и к тому, что и как он изображает: его принятие и непринятие, восхищение, ирония, отвращение; отношение читателя к тексту и в конечном счёте к художественному произведению в целом – его истолкование как объективного, искреннего или, напротив, как

мистифицирующего, иронического, пародийного и т. д.» [6, с. 29]. Поскольку фрагмент античной словесности оказывается внутри художественного текста, некоторые специфические параметры ситуации приобретают особую значимость. Несмотря на широко распространённую практику использования художественного текста для моделирования эпизодов естественной коммуникации (и внешнее сходство в таком случае вряд ли можно поставить под сомнение), всё же изнутри очень сходная форма наполнена принципиально неодинаковым содержанием. «Литературный дискурс семиотически может быть определён как дискурс, в котором предложения-высказывания и вообще выражения интенционально истинны, но не обязательно экстенционально истинны (экстенционально неопределенны). Это дискурс, интенционалы которого не обязательно имеют экстенционалы в актуальном мире и который, следовательно, описывает один из возможных миров» [6, с. 22]. Совершенно очевидно, что между реальным и возможным мирами предполагается некий зазор, глубина которого может варьировать в очень широком диапазоне. Но именно он создаёт неповторимый колорит того литературного произведения, в котором, есть античная цитата, и ей отводится какое-то особое значение, выявление которого становится непростой задачей воспринимающего (читателя). Источник трудности, как легко предположить, – автор, но тем напряжённее оказывается сам коммуникативный процесс, в котором, с одной стороны, выступает автор, моделирующий свой возможный (фиктивный) мир, а с другой стороны – читатель, которому предстоит взять труд и получить удовольствие в большей или меньшей мере сориентироваться в сюжетных перипетиях. Очень часто вместе с античной цитатой в текст экстраполируется и античный контекст (такого рода интертекстуальность), что ситуацию предельно усложняет. Если читатель не обладает предварительным знанием и если цитата в тексте это знание не восполняет (в норме обычным делом является и первое, и второе), то шанс на усмотрение в тексте невидных, глубоких слоёв содержания резко снижается или утрачивается вовсе. Кроме сложности опознания самого фрагмента античной словесности, следует не забывать о том, что автор и этот фрагмент подвергает творческой, то есть собственной, обработке, так что между авторским прочтением и прочтением в традиции античной культуры также возможно несовпадение. Понятно, что все названные трудности никаких фатальных последствий иметь не должны и не могут, они лишь свидетельствуют о том, насколько сложна, а вместе с тем и конструктивна в плане развития личности, коммуникация *автор – читатель*. Кроме того, всё это говорит и о том, что чтению необходимо обучать долго и много (правда, вряд ли в этом кто усомнится).

Если вдуматься, уже схемы взаимодействия автора и читателя в различных модификациях выходят за рамки коммуникативной составляющей дискурсивного анализа. «В хронологическом плане коммуникативный подход предшествовал когнитивному и был заложен в таких направлениях, как лингвистика речи и лингвистика текста. Когнитивный подход был стимулирован изучением экстралингвистических факторов конструирования различных видов дискурса» [4, с. 30]. Однако совершенно очевидно, что такие экстралингвистические факторы тесно соприкасаются и с центральными параметрами коммуникативного подхода. Как бы то ни было, когнитивный

подход, во многом возложив на себя интегративную функцию, объединяет в себе достижения предшественников, приспособляя их к работе на собственные цели. «Влияние когнитивной научной парадигмы на понимание текста и дискурса обусловлено <...> тем, что когнитивная лингвистика стремится объяснить языковые явления посредством моделирования процессов их формирования и функционирования. Сложность речевого произведения как коммуникативного явления заключается в том, что оно в каждый момент времени существует одновременно и как снятый результат речевой деятельности человека, и как некая абстрактная программа формирования речевого сообщения. Такая программа должна учитывать не только то смысловое содержание, которое автор сообщения планирует передать в процессе коммуникации, но также способы передачи информации и конкретные условия коммуникации (особенности коммуникативной ситуации, характеристики участников, контактный или дистантный канал коммуникации и др.)» [1, с. 24]. Когнитивный подход имеет и собственный обширный терминологический аппарат, который, тем не менее, так или иначе предназначен для исследования идеологии речевого произведения (ценностный аспект) и соотнесения его с концептосферой (концептуальный аспект). В случае художественного произведения автор самостоятельно определяет свои отношения с ценностями и концептами (и это отношение должно становиться предметом рефлексии со стороны читателя); однако когда речь заходит о ценностях в рамках сообщества (к примеру, в масштабах этноса) или о концептосфере (к примеру, национальной), то их отдельные элементы очень часто выступают в виде конкретных авторских определений, формулировок и т. д. Здесь, похоже, возможный мир автора пересекается с реальным миром.

И социокультурные предпосылки, и коммуникативные параметры, и когнитивные структуры находят своё выражение в языковой форме. Если такой языковой формой оказывается античная цитата, то автору, её использующему, представляется это необходимым – впрочем, не станем забывать, что у неё, как правило, есть и собственный автор. За иллюстрацией обратимся к великолепному роману Клайва Стейнплаз Льюиса «Кружной путь, или Блуждания паломника» – в нем очень сложной форме автор рассказывает о своём трудном обращении в христианство. [5]. Один из наиболее колоритных персонажей, м-р Трутни, периодически вставляет в свои реплики перлы античной словесности (кстати, большей частью цитаты из Горация): «omnes eodem cogimur» (мы все гонимы в Царство Подземное) [5, с. 98]; «coelum, non animam mutamus» (небо, не душу меняем) [5, с. 100]; «et in Arcadia ego» (и я был в Аркадии) [5, с. 100]; «eadem est omnia semper» (всё одинаково всюду) [5, с. 101] и т. д. Хотя характеризуемый персонаж отличается особой сложностью, хотя весьма быстро возникает иллюзия неприязненного отношения к нему (в восприятии читателя и, кажется, автора), всё же какая-то внутренняя энергия заставляет удерживать себя от окончательных (и простых) оценок. Нельзя сомневаться в том, что автор вкладывает в уста своего героя изысканные «цветы красноречия», не имея в виду его характеризовать, – напротив. И более всего должно казаться, что всё это красноречие выдаёт только праздность, а сам герой – абсолютная

противоположность пути, по которому должен идти герой-автор. Всё бы и могло быть так, если бы не любопытный факт: в книге ещё только автор (причём не тот Я, которым он говорит в тексте) говорит по-латыни и по-гречески. Здесь, кроме прочего, «говорят» Платон и Бозций, Пиндар и Аристотель, Вергилий и Гесиод – почти антология античных авторов. Понятно, что все они как-то моделируют концептуальный мир автора, в который он погружает своих героев и грани которого должны специфически проецироваться на их образы. При любых обстоятельствах не заметить такого непрозрачного параллелизма не представляется возможным, а потому поначалу легко прочитываемые отношения к персонажам неизбежно требуют пересмотра, и категоричность оценок утрачивает свою фундаментальность.

Если читатель не приходит к окончательным оценкам и выводам, соприкасаясь с художественным текстом, то вряд ли плох читатель, может быть, хорош текст?

Множество вопросов сейчас остаётся без ответа. Но в целом видно, что принципиальные схемы современного когнитивно-дискурсивного подхода приложимы к анализу художественного текста и перспективны для него. Учитывая, что когнитивно-дискурсивный подход представляет собой очень широкую область знаний, которая в полном объёме не может быть применена для каждой конкретной цели анализа художественного текста, такая конкретная цель должна достигаться через отбор всех релевантных опорных схем и понятий названного подхода, так чтобы базовые контуры когнитивно-дискурсивной парадигмы оставались сохранёнными. В данном случае была предпринята попытка осуществить такой отбор для анализа античной цитаты в современной художественной литературе.

Список литературы

1. Беляевская, Е. Г. Когнитивные параметры стиля [Текст] / Е. Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №1 (022). – С. 22–29.
2. Варзонин, Ю. Н. Studium Latinum в европейском образовании XIX века [Текст] / Ю. Н. Варзонин // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. – 2012. – № 21. – С. 180–188.
3. Варзонин, Ю. Н. Lingua nemini aliena: латынь в Европе XIX века [Текст] / Ю. Н. Варзонин // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. – 2013. – № 10. – С. 113–121.
4. Кузнецов, В. Г. Исследование дискурса в Женевской лингвистической школе [Текст] / В. Г. Кузнецов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №1 (022). – С. 30–36.
5. Льюис, К. С. Крестный путь, или Блуждания паломника [Текст] : роман / К. С. Льюис ; пер. с англ. Н. Трауберг. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. – 256 с.
6. Степанов, Ю. С. В мире семиотики [Текст] / Ю. С. Степанов // Семиотика: антология ; сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Деловая книга, 2001. – С. 16–28.
7. Успенская, А. В. Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи [Текст] / А. В. Успенская. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2008. – 292 с.
8. Эмер, Ю. А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование [Текст] / Ю. А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №2 (027). – С. 50–60.

**LATIN QUOTATIONS IN LITERARY TEXTS: A COGNITIVE-
DISCURSIVE STUDY**

Yu. N. Varzonin

Tver State University
The department of Russian Language

A cognitive-discursive study of Latin quotations in literary texts is the subject of this article. A cognitive-discursive approach deals with socio-cultural, communicative, cognitive and language characteristics.

Key words: *Latin quotation, literary text, cognitive-discursive study, C. S. Lewis*

Об авторах:

ВАРЗОНИН Юрий Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yunvarzonin@gmail.com